

Глава 10

«Евгений Онегин» как первый русский реалистический роман (тема жизни и смерти)

Сквозной образ заветного произведения Пушкина, романа, которому поэт отдал более семи лет жизни, - образ человека, летящего навстречу смерти. Главный герой романа Евгений Онегин представлен читателю как «наследник всех своих родных» (1, П), наследник тех, перед кем отворились или отворяются «двери гроба» (2, XXXVI). Так, с первой строфы звучит главная тема романа – тема жизни и смерти. Роман начинается с известия о смертельной болезни дяди Онегина, заканчивается воспоминанием о тех, кому автор когда-то читал первые строфы романа и кто не дожил до его завершения: «Иных уж нет, а те далече» (8, LI). В романе то вскользь упоминается, то обстоятельно повествуется о смерти отца и дяди Онегина, родителей Ленского, отца Татьяны, няни и ее (няни) свекрови. Пишет надгробный мадригал Дмитрию Ларину и своим родителям Ленский. А немного времени спустя экономка Онегина в разговоре с Татьяной вспоминает покойного Ленского. И автор помнит о покойном поэте, который увидел в юном Пушкине дар: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» (8, П).

«Праздник жизни» представлен ограниченным во времени («Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина ...» (8, LI) и изображен на фоне то едва мерцающей в неясном отдалении, то вплотную приближающейся к кому-то из героев романа смерти. И если читатель этого не замечает, то, скорее всего, потому, что находится в русле мыслей и чувствований главного героя. Читатель, сформированный традициями дореалистической литературы, привык не только сопереживать главному герою произведения, но и отождествлять себя с ним. Автор

первого в истории русской литературы реалистического романа стремится помочь своим читателям выйти за пределы духовного кругозора главного героя: «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной» (1, LVI). Отделяя себя от героя, иронически воспроизводя образ мыслей и жизни Онегина, автор оберегает читателей от наивной самоидентификации с персонажем.

«Летя в пыли на почтовых» (1,П), Онегин никоим образом не озабочен тем, что и ему рано или поздно предстоит стать пылью, «данью, готовой земле» (1,ЛП). Пушкин создает образ человека, равнодушного к смерти и жизни, к окружающим и к себе самому. Для главного героя романа в отличие от автора жизнь вовсе не кажется праздником. Евгений Онегин основной части романа изображается в тот период его жизни, когда представляется, что нет смысла в существовании – своем ли, чужом ли, когда человек живет по инерции, собственно, не живет, а исполняет «обряд жизни» («глядеть на жизнь, как на обряд» - 8, XI), механически переходя от одного положения к другому. «Там скука, там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет...» (1, XLIV), – таков суровый приговор, который выносит Онегин, как и книгам, которыми он пытается спастись от бессмысленности жизни, так и самой жизни. «Граурной тафтой» задерживает Онегин полку с книгами («И полку с пыльной их семьей, / Задержит траурной тафтой» (1, XLIV). Все, что ценится другими, - жизнь, дружба, любовь, семья, искусство, - Онегину видится пылью, рассыпающейся в прах от малейшего прикосновения. Так появляется образ «пыльной семьи», который вбирает в себя представления героя не только о книгах, но о людях, женщинах, жизни. «Как женщин, он оставил книги...» (1, XLIX) – фиксирует автор уход Онегина от жизни, искусства. «Он застрелиться, слава богу, / Попробовать не захотел, / Но к жизни вовсе

охладел» (1,XXXVIII), – такова ситуация, в которой Онегин, полагающий, что его жизнь кончена, получает известие о близкой кончине дяди.

Личность умирающего родственника столь же мало занимает Онегина, как и все прочее. Евгений, поселившийся в унаследованном доме и даже в той комнате, в которой жил дядя («Он в том покое поселился, / Где деревенский старожил...» - 2, III), уверен в своей абсолютной инаковости, несхожести с человеком, от которого получил наследство. Дядя заставил себя «уважать» только фактом смертельной болезни, предвещающей скорое получение наследства, – «когда не в шутку занемог». Иных поводов для уважения Онегин не находил. Пушкин показывает подобное отсутствие родственных чувств как типичное явление: «Про одно имение наследников сердитый хор / Заводит непристойный слог» 7, XI), между прочим ненавязчиво указывая читателю на иллюзорность мнения героя об исключительности собственной личности. Люди не помнят даже тех, кого, казалось, любили. Быстро забыла Ленского Ольга: «равнодушное забвенье / За гробом ожидает нас» (1, XI). «Охотники до похорон» ((1,LIII) не любят думать о смерти, проводящей роковую черту между известным и ожидающей каждого неизвестностью. В лучшем случае они следят за временем, в большинстве своем мало думая о вечности. Разве что в стихах романтика Ленского появляется неопределенное дистанцирование от сиюминутного («Он пел разлуку и печаль, / И нечто, и туману даль» - 2, X), слишком книжное, чтобы можно было его воспринимать как жизненную позицию.

Составляя подводное течение сюжета, мысль автора о вечных законах жизни вырывается на поверхность в лирических отступлениях. Одной из таких закономерностей является смена поколений:

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,

По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут (2, XXXVIII)

И когда-нибудь жертвой «мгновенной жатвы» станут и Онегин, и автор, и читатель:

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас! (2, XXXVIII)

Заслужит ли Онегин уважение своих наследников? Или ему придется заставить себя уважать дядиным способом? Неужели человек живет только для того, чтобы в урочный час оказаться «данью, готовой земле»? Онегин, спешащий к дяде, лица смерти не видит и о конечности собственной жизни не думает, озабоченный неудобством ожидания дядиного конца: «Вздыхать и думать про себя, / Когда же черт возьмет тебя?» (1, I). Автор же пытается представить себя перед лицом смерти: «Без неприметного следа / Мне было б грустно мир оставить» (2, XXXIX). Но и герой, утративший интерес к жизни, и автор, думающий о смысле жизни, представлены в романе вовлеченными в безостановочное течение времени – необратимого, не позволяющего вернуть то, что осталось в прошлом. «Река времен» (Г.Р.Державин) несет человека от известного в неизвестность.

Известное об Онегине автор резюмирует несколькими строками: «Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов» (8, XII). Автор окружает героя многочисленными приметами времени. Весна, лето, осень и зима сменяют друг друга в их неповторимом очаровании. За утренней прогулкой следует обед: «Уж тёмно: в санки он садится» (1, XVI). В Петербурге Онегин встает поздно и обедает, когда уже темно. Следуя принятому в свете распорядку жизни, Евгений живет «утро в полночь обротя» (1, XXXVI). У светского бездельника иной отсчет времени, чем у

трудового Петербурга: «Полусонный / В постелю с бала едет он: / А Петербург неугомонный уж барабаном пробужден...» (1,XXXУ). Соответственно и иное наполнение времени: «Он три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил» (1,XXУ). В деревне Онегин встает рано («В седьмом часу вставал он летом» - 4,XXXУІ. XXXVІІ), сообразуясь с естественным природным течением времени. Но и в городе, и в деревне, «порядка враг и расточитель», Онегин живет, глядя на часы. И гуляет он, «Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед» (1, XV), и обедает до того часа, когда «звон брегета им доносит, / Что новый начался балет» (1, XVII).

Никакой другой праздник не фиксирует так индивидуальное движение времени, как «веселый праздник именин» (5,XXV). Случайно ли за эпизодами, изображающими именины Гатьяны, следуют эпизоды дуэли и гибели Ленского? «Пробили / Часы урочные: поэт / Роняет молча пистолет» (6,XXX), - часы, указывающие на начало или конец того или иного события, сейчас обозначают конец жизни, Именины отсчитывают назначенное судьбой время. Но человека может настичь и безвременная смерть: «Младой певец / Нашел безвременный конец!» (6,XXXV). Отец и дядя Онегина, как могли, использовали свои возможности. Ничем особенным не отличалась жизнь отца Онегина от обычного для человека его положения, о чем свидетельствуют трафаретные формулы служебного аттестата:

Служив отлично-благородно,

Долгами жил его отец,

Давал три бала ежегодно

И промотался наконец (1, Ш)

Вел обычную для помещика средней руки жизнь дядя Онегина:

Лет сорок с ключницей бранился,

В окно смотрел и мух давил (2, Ш)

Ленский погибает «Во цвете радостных надежд». Смерть Ленского – нарушение, сбой в естественном течении жизни. Ленский становится жертвой – несчастного случая ли, собственной горячности или легкомыслия Онегина – «Несчастной жертвой Ленский пал» (Письмо Онегина к Татьяне). Жизнь обрывается за две недели до свадьбы, и остается только гадать, как бы сложилась судьба Ленского. «Быть может, он для блага мира / Иль хоть для славы был рожден» (6,XXXVII) – «А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел. Прошли бы юношества лета: В нем пыл души бы охладел» (6, XXXVIII. XXXIX).

Человеку дано время и пространство, чтобы реализовать себя. «Но грустно думать, что напрасно / Была нам молодость дана» (8,XI), - подводит Пушкин итог ушедшей юности, своей ли Онегина?. «Несносно видеть пред собою / Одних обедов длинный ряд» (8, XI), – в свои 26 лет Онегин имеет основания так сказать о своей жизни. Жизнь сводится к длинному ряду обедов и человек обречен «вслед за чинною толпою / Идти, не разделяя с ней / Ни общих мнений, ни страстей» (8, XI). Так начинается последняя, восьмая глава, которой предшествует положенное по правилам классицизма вступление. Правда, о необходимости вступления к роману автор вспоминает только к концу предпоследней, седьмой главы, а содержание вступления вряд ли бы приняли классицисты, которые воспевали жизнь по законам разума и долга. У Пушкина же: «Пою приятеля младого / И множество его причуд» (7,LV). Но объяснение внезапного обращения Пушкина к классицизму («Я классицизму отдал честь, / Хоть поздно, а вступление есть» - 7,LV) следует искать не только в желании пародийно обыграть обветшавшие правила классицистской литературы. Пушкин решает воспеть своего героя, накануне перелома, который происходит в Онегине.

Восьмая глава по внешнему рисунку напоминает первую. Онегин снова в Петербурге, снова в большом свете, снова удаляется от общества:

От света вновь отрекся он.

И в молчаливом кабинете

Ему припомнилась пора,

Когда жестокая хандра

За ним гналася в шумном свете... (8, XXXIV)

И тогда, и теперь от шума света герой удаляется в тишину «молчаливого кабинета». И тогда, и теперь, оставляя свет, он обращается к книгам. И теперь книги не могут удержать его внимание: «Глаза его читали, / Но мысли были далеко» (8,XXXVI). Сравнение эпизодов чтения Онегиным книг в первой и восьмой главах позволяет понять, какая бездна лежит между прежним и нынешним Евгением. В первой главе он читает, «томясь душевной пустотой» (1,XLIV) и, пытаясь чем-то заполнить эту пустоту души, «себе присвоив ум чужой» (1,XLIV). Примечательно, что холод души Пушкин связывает с ядом отрицания всего и всех: «Там скука, там обман иль бред; / В том совести в том смысла нет» (1, XLIV). Или в другом месте: «Всех пора на смеху» (1,XXI). Онегин восьмой главы читает «без разбора», «не отвергая ничего» (8,XXXV). Дело не в том, что неприятие жизни сменилось неразборчивым приятием. Дело в том, что Онегин обрел счастье и страдание любви, а вместе с ними пришло время движения души.

Первая глава наполнена движением в смысле быстроты перемещения в пространстве: «Летя в пыли на почтовых» (1,VI), «К Talon помчался» (1, XVI), «Онегин полетел к театру» (1,XVII), «Швейцара мимо он стрелой / Взлетел по мраморным ступеням» (1,XXVIII). На фоне мрамора, застывшего в своей неподвижности, стремительность Онегина особенно явственна. «И жить торопится и чувствовать спешит», - такой эпиграф предпослан первой главе романа. Перед читателем мелькают картины,

рисующие образ жизни Онегина: ресторан, бал, театр, многочисленные любовные похождения и сменяющие друг друга удовольствия... От радостей, которые достаются даром, устаешь, они становятся привычными и перестают быть желанными. Пушкин находит, казалось бы, неподходящее в данном контексте слово «терпел»: «Балеты долго я терпел, / Но и Дидло мне надоел» (1,XXI). Как иные терпят нужду, унижения, боль, так «терпит» Онегин развлечения. Пресыщенный и утомленный, он теряет вкус жизни. Несчастье Онегина в том, что он защищен от страданий. И не только социальным положением, материальной обеспеченностью, незанятостью, свободой от бытовых проблем и труда, как считал Д.Писарев, уверяя, что, если бы Онегину пришлось заботиться о куске хлеба, то он мгновенно избавился бы от своей хандры. Праздник жизни уничтожается праздностью: Онегина научили только развлекаться. Но приходит момент, когда герой уже не может видеть в развлечениях смысл жизни. Онегин утрачивает мотивацию и впадает в жизнеотрицающую хандру. Онегин обделен страданиями (это только кажется, что обделенным можно быть только радостями), потому что не умеет любить: любить жизнь, искусство, природу, женщину. Пушкинский герой не умеет найти любимое дело. Для него любовь – это всего лишь «наука страсти нежной» (1,VIII). Для Онегина любовь – это завоевание женских сердец, преодоление сопротивления. Это занятие интересное до тех пор, пока женщина не оказывается в твоей власти («И после ей наедине / Давать уроки в тишине!»). Онегин говорит Татьяне: «Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас» (4, XIV). Та любовь, которую знает Онегин, сводится лишь к все тому же поиску разнообразия, новизны, смены впечатлений. Такая любовь боится привычки, «замены счастьем», а счастье видится лишь в свежих и острых ощущениях. Такие отношения не ранят сердце: «В красавиц он уж не влюблялся, / А волочился как-нибудь; / Откажут – мигом утешался;

Изменят – рад был отдохнуть. Он их искал без упоенья, / А оставлял без сожаленья» (4,X). Бросается в глаза неопределенно-личностная форма 3-его лица множественного числа глагола: они откажут, изменят. Множественность женщин («красавиц»), легко и безболезненно меняющихся, не затрагивает глубины сердца, которое «мигом» утешается отказом или изменой. В погоне Онегина за разнообразием наслаждений нет души, а значит, нет и жизни. Душу автор находит в искусстве балета («русской Терпсихоры / Душой исполненный полет» - 1,XIX), жизнь – в описании гастрономических изысков («И Страсбургский пирог нетленный / Меж сыром лимбургским живым» - 1,XVI). Движения балерины («и вдруг летит, / Летит, как пух из уст Эола» - 1,XX) больше исполнены душой, чем полет Онегина от ресторана к театру.

В восьмой главе изображается другой человек: «Мечты, желанья, печали / Теснились в душу глубокую» (8, XXXVI). Обнаруживается глубина души, способной мечтать, страдать, любить. Душа переполнена мечтами, желаниями, печалью, которым тесно, так всего много. У такого человека открывается духовное зрение, позволяющее видеть то, что было недоступно умному, насмешливому скептику Онегину. Только такие глаза позволяют читать между строк – то, что не сказано, а таится между строк: «Он меж печатными строками / Читал духовными глазами / Другие строки» (8, XXXVI). И не важно, что книга занимает Онегина меньше того, чем он сейчас живет. Важна обретенная героем духовная глубина («был совершенно углублен» - 8,XXXVI). Легкость полета по жизни, не затрагивающего существа человека, уходит, и обретается глубина духовной жизни, оживляющая героя, пробуждающая для жизни. Онегин, смертельно раненый любовью («Идет, на мертвеца похожий» - 8, XL), обретает жизнь души, смысл жизни, идеал. Легкое и бездумное скольжение по морю удовольствий (Онегин первой главы) оказывается опровергнутым

серьезным, голубоокиим, трагическим чувством, которое только и дает герою ощущение подлинной жизни.

Когда приходит подлинное чувство, в возможность которого Онегин некогда не верил, «рой изменниц молодых» вытесняется одной картиной: «она... и все она!» (8,XXXVII). Вместе с любовью приходит страдание, уничтожающее, разрушающее:

Онегин сохнет – и едва ль

Уж не чахоткою страдает (XXXI)

И вот - так у Пушкина! – боль и жажда любви, ставящие Онегина на грань между жизнью и смертью, дают подлинное наполнение жизни. На этом уровне Онегин и чутко следующий за ним читатель понимают: волокитство и погоня за наслаждениями имитировали жизнь, являясь той «утешительной подменой», о которой так часто упоминает Пушкин на страницах романа. Любовь к Татьяне – подлинная, глубокая, перерождающая Онегина – открывает перед скептиком Онегиным те возможности, которые он никогда не предполагал для себя – стать поэтом, сойти с ума, умереть от любви. И Онегин близок к несвойственному ему поэтическому видению мира, близок к безумию и смерти. «И он не сделался поэтом, Не умер, не сошел с ума» (8, XXXI), - констатирует Пушкин уход героя от следования одной из предполагаемых и очень реальных для Евгения этой поры возможностей, но не от любви, не от надежды. Онегин восьмой главы, страдающий, умирающий от любви, постигает, что смысл жизни – не в эгоистическом удовлетворении желаний, замыкающих человека на себе, а в жизни во имя, ради другого человека («Но, чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с вами днем увижусь я» - Письмо Онегина к Татьяне).

Критики упрекают Онегина в готовности погубить Татьяну: зная законы света, он не может не понимать, чем грозит любимой женщине решение ответить на его чувства. Но у Пушкина другое: герои поменялись

местами. Татьяна, усвоившая урок, данный ей в юности Онегиным, научилась «властвовать собой». Теперь ее чувство не может быть безрассудным. Некогда Онегин, боясь утратить честь, не посмел отказаться от дуэли. Теперь Татьяна помнит о чести. Для нее женская честь – в верности нелюбимому мужу. Татьяна не верит в чувства Онегина, они оскорбляют ее именно потому, что ее «позор» мог бы ему принести «соблазнительную честь» (8, XLIV). Для Татьяны-княгини честь выше любви. Онегин, впервые обретший любовь, впервые же забывает о требованиях чести. Пушкин не опровергает подозрений своей героини, но он и не единым словом не подтверждает их истинность. Картины страданий Онегина, умирающего от любви, говорят не об искании «соблазнительной чести», а о неспособности думать о чем-то ни было, кроме своего всепоглощающего чувства. Теперь уже Онегин не в состоянии «властвовать собой». Его неловкость в общении («Угрюмый, неловкий, он едва-едва / Ей отвечает» - 8, XXII) так непохожа на некогда присущую ему непринужденность и легкость («и кланялся непринужденно» (1, IV). Человек, который добивается «соблазнительной чести», должен был бы помнить о том, что единственно ценится в свете, – о внешнем блеске.

Добиваясь любви Татьяны, Онегин перерастает свойственные ему в юности душевную сухость и скептицизм. В нем открывается поэтическое начало, позволяющее видеть красоту (а не ряд удовольствий) жизни. Онегин обретает духовную глубину, способность читать книгу жизни «духовными глазами» (8, XXXVI). «Мертвый сон» («Мертвым сном» спит Онегин в ночь накануне убийства Ленского) сменяется духовным пробуждением. Теперь уже с Онегиным не соотносима характеристика второй главы:

Мы почитаем всех нулями,

А единицами – себя.

Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно (2,XIV)

Огульный критицизм сменяется способностью отличить пустоту и бездуховность «самолюбивых ничтожностей» от аристократов духа. «Наука страсти нежной», освоением которой прежде так гордился Евгений, оказывается бессильной перед настоящим чувством. Неверие в любовь и идеал уступают место преклонению («понимать / Душой все ваше совершенство» - Письмо Онегина к Татьяне). Потребность в смене впечатлений и погоня за наслаждениями остаются в прошлом. Онегиным руководит теперь непреходящее чувство, в свете которого и страдания любви желанны («Пред вами в муках замирать, Бледнеть и гаснуть ... вот блаженство!» - Письмо Онегина к Татьяне). Онегин последней главы обретает смысл жизни. Он слышит признание в ответном чувстве: «Я вас люблю (К чему лукавить?)» - 8, XLVII. И счастье оказывается «так возможно, / Так близко» (8, XLVII). Но судьба Татьяны «уж решена». Наверно, путь к идеалу и есть такой, каким его показывает Пушкин. Кажется, обретаешь его, приближаешься к нему, а он снова оказывается недоступным. Жизнь – бесконечное движение. И если обрела движение и жизнь души, как это произошло с Онегиным, значит «чаша жизни» дана человеку не напрасно, и тогда единственным опасением становится боязнь исчерпать себя. В этом смысл финальной строфы романа:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим (8, LI)

Пушкин оставляет свой роман жизни неоконченным, бросив героя «в минуту злую для него» (8,ЛУШ). К читателю он обращается с поздравлением: «Поздравим / Друг друга с берегом» (8,ЛУШ). Берег для Онегина и Татьяны читателю не открыт. Им предстоит река жизни – тот «праздник жизни», который несет с собой радости и огорчения, счастье и страдание, для которого разрушительны привычка и бездуховность. Онегин, испытанный той и другой, оставлен автором далеко от берега. Пока человек живет, он ищет. Сюжетное закругление романа могло бы внушить мысль о завершенности исканий героев, остановке в развитии. Пушкин не был бы Пушкиным, если бы поставил точку в духовном движении своих героев.

Единственная реальная, а не иллюзорная цель жизненного странствия – это непрерывное саморазвитие личности, ее движение от фиктивных ценностей к истинным. Пушкин не был бы реалистом, если бы выстроил судьбы своих героев по прямой линии – из колыбели к совершенству. Через ошибки и заблуждения идут Онегин и Татьяна к точной оценке конкретной ситуации, позволяющей принять решение, верное именно для этой ситуации (когда и кому писать письмо, когда и кому открывать сердце, какие вызовы принимать, от каких условностей отказываться). Герои приходят к пониманию необходимости учиться не «науке страсти нежной», а искусству сделать каждое мгновение своей жизни «душой исполненным полетом», праздником, произведением искусства. Реализм – это и есть метод постижения не только универсальных общечеловеческих законов (что свойственно, например, классицизму или романтизму), но прежде всего искусство понимания того, что происходит здесь и сейчас – в конкретном времени и конкретном пространстве. Выход в вечность осуществляется в первом русском реалистическом романе через изображение социума, конкретных жизненных ситуаций, вырастающих из определенных социально-исторических обстоятельств. Но эпизоды жизни дворянина

Онегина перерастают рамки бытоописательного романа. Пушкин писал свой роман вовсе не потому, что хотел увековечить быт русского дворянства в период после Отечественной войны 1812 г. и накануне декабристского восстания. И если мы будем искать в «Евгении Онегине» только приметы времени, то снимем только поверхностный пласт содержания. Каждый эпизод романа заставляет задуматься о смысле жизни, вечности и любви. В высшей степени примечательно, что первый русский реалистический роман «Евгений Онегин», как и первая русская реалистическая комедия «Горе от ума», написаны в стихах. Реализм – это изображение прозы жизни, одухотворенное высокой поэзией, это изображение преходящего в свете вечного, это изображение типичных характеров в типичных обстоятельствах, поверяемое ощущением причастности к Целому, это исследование эмпирической повседневности в ракурсе борьбы Добра и Зла, Жизни и Смерти.